

что всё могут разсматривать ее со всѣхъ сторонъ. Каждый рѣшительный штрихъ въ этой фигурѣ тревожить и волнуетъ его душу. Еще никто ничего не скажетъ, а ему уже мерещутся обличительныя физиономіи, укорительныя взоры. Автора нѣтъ, автора видѣть не видно; но ему такъ это безпощадно распростертое надъ водами созерцаніе художника. Онъ жметса, и пугливо взглядываетъ кверху, ожидая удара, и заится, что не за что схватиться...

Увы! храмъ растворенъ, идолъ вынесемъ наружу! Какъ было жрецу остаться равнодушнымъ, не растерзать ризъ, не посыпать главу пепломъ! Какъ ему было не вознегодовать на осквернителя святыхъ!

Наконецъ, еще одно, послѣднее наблюденіе: мы видѣли, что недовольный критикъ, волнуемый страстью, измѣняетъ себя, и долженъ признать своего бога въ томъ, кого кощунственно обозвалъ самыми позорными именами. Но что же мы встрѣчаемъ у критика довольнаго? Поклонившись этому божеству и воскуривъ предъ нимъ емиамъ, онъ съ удивительною вѣрностію объявляетъ собравшимся мирянамъ, что божество это „холера“. Добрый мелодій челоуѣкъ сказалъ это съ чувствомъ достоинства, охарактеризовавъ и рисуясь предъ толпою...

Одинъ призналъ въ героѣ чуть не скота, а потому тѣмъ же духомъ обоготворилъ его и паалъ во прахъ передъ нимъ. Другой, совершая передъ этимъ божествомъ жертвоприношеніе, объявляетъ съ самоуслажденіемъ, что духъ, которому онъ жертвуетъ, есть Бгавади...

Итакъ мы видимъ, что противорѣчія нѣтъ, и что природа, на настоятельные вопросы наблюдателя, даетъ отвѣты совершенно ясныя.

III.

Теперь спрашивается что хотѣлъ художникъ изобразить въ героѣ своего романа, или лучше сказать что представляетъ собою эта типическая фигура, и чему соответствуетъ она въ жизни? Мы видѣли, какъ смѣшанно выразилось впечатлѣніе произведенное ею на ту среду, гдѣ она властвуетъ деспотически; мы видѣли, какія противорѣчія сошлись въ этомъ впечатлѣніи, сколько отозвалось въ немъ и боли, и радости, и самосознанія, и самопрезрѣнія.

Интересно поближе всмотрѣться въ этотъ образъ и подробнѣе анализировать его значеніе.

Кромѣ тѣхъ критикъ, которыхъ касались мы выше и въ которыхъ слышались лично заинтересованные голоса, мы слышали еще и другіе голоса, болѣе или менѣе свободные отъ лицепріятнаго чувства. Между прочимъ, въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ (*Время* № IV) мы читали очень хорошо написанную статью о романѣ г. Тургенева, въ которой удачно и мѣтко были сопоставлены и разобраны отзывы лично-заинтересованныхъ критиковъ. Но, отдавая должную справедливость многимъ умнымъ замѣчаніямъ автора этой статьи, мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ въ основной его мысли, именно во взглядѣ его на сущность типа, изображеннаго г. Тургеневымъ подъ именемъ Базарова. Взглядъ этотъ не выдержитъ пробы, будемъ ли мы сравнивать его съ самимъ романомъ, или съ нашею общественною средою, изъ которой взяты элементы изображенія. По мнѣнію критика, въ этой фигурѣ выразился господствующій въ наше время духъ реализма, духъ дѣйствующій и въ жизни, и въ наукѣ. Критикъ раздвигаетъ горизонтъ этого типа до всемірнаго значенія, и видитъ въ немъ какую-то всеобщую идею. Онъ видитъ въ немъ тотъ умственный аскетизмъ, который сурово отказывается отъ всего далекаго, отвлеченнаго, туманнаго, и направляетъ мысль и дѣятельность къ достижимымъ цѣлямъ. Но придавая этому типу такое значеніе, критикъ далекъ отъ сочувствія ему; критикъ видитъ въ немъ силу одностороннюю, не удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ человѣческой жизни, и подавляющую многія, лучшія изъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ, такой взглядъ стираетъ не только всѣ индивидуальныя, но и всѣ типическія особенности этого образа; онъ превращаетъ его въ отвѣченность, которая столько же можетъ относиться къ Базарову, сколько и къ явленіямъ совершенно противоположнымъ. Мы съ умысломъ останавливаемся на этомъ возрѣніи, потому что оно довольно распространено, хотя нигдѣ такъ рѣшительно не высказано, какъ въ упомянутой критикѣ *Времени*. Ухватившись за одинъ наружный признакъ, критикъ оставляетъ безъ вниманія другіе гораздо болѣе существенные элементы это-

го образа, и изъ одной болѣе живимой нежели дѣйствительной характеристической черты развиваетъ его значеніе. Благодаря этой операціи, мы должны привѣтствовать въ лицѣ этого типа духъ нашего времени, съ придачею того генія мудраго самообладанія, который олицетворилась въ Сократѣ и составляетъ сущность всякаго точнаго мышленія и дѣйствительнаго знанія. Но въ такомъ случаѣ мы рѣшительно не понимаемъ, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ типъ къ нашей жизни. Очевидно, критикъ оставилъ не тронутымъ существенное содержаніе своего собственнаго впечатлѣнія и унесся въ сферу общихъ отвлеченій, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

Еслибы критикъ обратилъ вниманіе на бытовыя стороны типа, то въ немъ не могло бы возникнуть и тѣни мысли о какомъ-то всеобщемъ духѣ реализма, и онъ легко вышелъ бы каючъ къ своему впечатлѣнію. Онъ удивляется жизненности и вѣрности изображенія; дѣйствительно, Тургеневскій типъ отличается въ высокой степени этими качествами. Но какъ же критикъ не подумалъ, что при его толкованіи типъ этотъ оказался бы самою неудачною выдумкой, и во всякомъ случаѣ былъ бы чѣмъ-то совершенно исключительнымъ, чѣмъ-то безъ всякой аналогіи съ окружающею средой? Духъ реализма! Не было ли бы со стороны художника непростительною ошибкой создавать изъ элементовъ нашей умственной жизни типъ того общаго духа реализма, который господствуетъ въ современной мысли? Можно ли представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе попытки изобразить героическій типъ русскаго реалиста или русскаго идеалиста изъ элементовъ нашего образованнаго общества. Тутъ не требуется доказательствъ; дѣло очевидно само собою. Можетъ ли, напримѣръ, кому-нибудь придти въ голову изображать изъ русской жизни, типъ изслѣдователя, живущаго интересомъ знанія, посвящающаго свои силы дѣлу науки, сосредоточеннаго въ вычисленіи элементовъ предполагаемой планеты, въ экспериментѣ надъ солнечнымъ спектромъ, въ анализѣ сложной органической комбинаціи, въ тонкихъ изслѣдованіяхъ нервной системы? Возможенъ ли у насъ типъ молодого или немолодого челоуѣка, одержимаго умственнымъ голодомъ дѣйствительности въ какомъ бы то ни было смыслѣ,

одностороннемъ или неодностороннемъ, дурномъ или хорошимъ, истинномъ или ошибочномъ? Какая странная, нелѣпая, непонятная вышла бы фигура! Какою ложью отозвалась бы въ ней каждая черта и какой заслуженный смѣхъ возбудила бы она повсюду! Мы не хотимъ сказать, чтобы въ нашей образованной средѣ не было умственныхъ интересовъ; но проявленія ихъ такъ малочисленны и слабы, такъ они незначительны, что всякая попытка воспроизвести ихъ въ типическомъ образѣ была бы нелѣпностію. Точно такую же странностію было бы представить себѣ типъ русскаго купца покоряющаго Индію и создающаго великую имперію (хотя въ давнюю, давнюю пору, нѣчто подобное бывало у насъ) или русскаго мореплавателя, пускающагося въ арктическіе льды отыскивать въ двадцатый разъ остатки сэръ-Джонъ Франклина. Было ли бы въ подобныхъ типахъ какое-нибудь соотвѣтствіе съ окружающею средою? Могъ ли самый даровитый художникъ, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, создать въ этомъ родѣ что-нибудь типическое, а не экземпляръ совершенно исключительный?

Легко сѣтовать на нашихъ художниковъ за то, что они черпаютъ изъ нашей жизни такъ мало положительныхъ типовъ. Гораздо основательнѣе было бы спросить, представляеть ли наша общественная жизнь элементы для такихъ типовъ. Гоголь вздумалъ было создавать положительные типы, и всѣмъ извѣстно, какое онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе. Критики, ставившіе г. Тургеневу въ упрекъ неудовлетворительность выведенныхъ имъ типовъ молодого или стараго поколѣнія, не подумали, что если типы эти дѣйствительно неудовлетворительны, то виновать не авторъ, а жизнь, изъ которой онъ ихъ взялъ. Онъ взялъ то что есть, и всякая прибавка была бы искаженіемъ и ложью.

Не странно ли, что о произведеніи современномъ, взятомъ изъ текущей жизни, могутъ быть разнородные толки, недоумѣнія и вопросы, какъ будто бы рѣчь шла о какомъ-нибудь памятникѣ давно-минувшей эпохи? Не странно ли, что современный, такъ рѣзко со всѣхъ сторонъ очерченный типъ, становится предметомъ комментарій, какъ будто бы рѣчь шла о характерѣ Гамлета или Макбета? Но чѣмъ индивидуальнѣе художественное изображеніе, тѣмъ труднѣе дается оно анализу. Тургеневскій Базаровъ не просто типъ, но и характеръ, лицо живое до мельчайшей

подробности. Нигдѣ въ этомъ образѣ не обнажается сентенція, нигдѣ не проглядываетъ въ немъ отвлеченное понятіе; онъ съ ногъ до головы живая фигура. Производимое имъ впечатлѣніе совершенно индивидуальнаго свойства, точно такое, какое мы испытываемъ при встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ,—безотчетное чувство симпатіи или антипатіи, которое то заговоритъ громко, то притихнетъ. Казалось бы, что самъ авторъ могъ бы всего легче разрѣшить загадку и дать ключъ къ созданному имъ характеру. Авторъ на лицо, и повидимому всего естественнѣе и проще можно было бы ожидать отъ него окончательнаго слова, которое рѣшило бы дѣло безъ апелляціи. Кому же какъ не автору знать сущность созданнаго имъ характера, понимать смыслъ изображеннаго имъ типа? Однако, это не совсѣмъ такъ: авторъ въ этомъ случаѣ мало разнится отъ всякаго другаго наблюдателя. Къ тому, что вышло изъ его рукъ, онъ находится точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и всѣ другіе; онъ можетъ имѣть симпатическое или антипатическое чувство къ живому лицу, которое возникло въ его фантазіи, но ему придется совершить точно такой же трудъ анализа какъ и всякому другому, для того чтобы передать въ сужденіи сущность своего чувства. Въ своемъ сужденіи онъ можетъ ошибаться не менѣе всякаго другаго; и часто ему бываетъ еще труднѣе чѣмъ другому произвести тотъ необходимый анализъ, который долженъ дать элементы для яснаго и точнаго сужденія.

О бессознательномъ творествѣ высказывались у насъ прежде очень туманныя мнѣнія, которыя вызвали справедливую реакцію. Безъ сомнѣнія, невозможно допустить, чтобы такое дѣло какъ художественное творчество, требующее полнаго развитія умственныхъ силъ, происходящее въ самомъ ясномъ элементѣ, въ самомъ центрѣ сознанія, чтобы такое дѣло было въ то же самое время чѣмъ-то бессознательнымъ, похожимъ на бессловесный и темный процессъ природы. Эти образы, эти тоны, эти идеи,—что же все это, какъ не элементы сознанія? Что же самый актъ художественнаго творчества, какъ не приведеніе къ усиленному, полному, ясному сознанію того что происходитъ въ жизни глухо, полусознательно, бессознательно, разсѣянно, случайно? Но есть разныя степени и разные виды сознанія. И ощущеніе есть сознаніе, и понятіе есть сознаніе,—

но какая разница между этими двумя видами сознанія! Точно также есть разница между художественнымъ образомъ и сужденіемъ, которое его анализируетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, въ работѣ художника непременно участвуетъ, съ большею или меньшею силою, этотъ элементъ сужденія; безъ него не можетъ обойтись никакое человеческое дѣло, не въ работѣ художника оно играетъ второстепенную роль. Еслибъ оно возобладало и стало управлять всѣмъ ходомъ дѣла, еслибы художникъ началъ поступать по указанію анализа, то мы получили бы аллегорію или иллюстрированный трактатъ, а не образъ, не созерцаніе; мы вовсе не имѣли бы той полноты живаго впечатлѣнія, того многосложнаго содержанія, которое требуетъ анализа; не могла бы и возникнуть потребность новаго труда мысли, желающей отдать себѣ отчетъ въ своемъ содержаніи.

Сила, которая творитъ чудеса въ гениальномъ художникѣ, вовсе не есть чей-нибудь исключительный удѣлъ. Это свойство общечеловѣческое; оно принадлежитъ всѣмъ въ большей или меньшей степени, и всякій можетъ испытать въ самомъ себѣ свойство и дѣйствіе этой силы. Когда намъ случится уловить въ жизни какую-нибудь существенную черту и воспроизвести ее въ воображеніи, то она сама, по мѣрѣ своей силы и значенія, начнетъ привлекать всѣ элементы, сродные ей существенно или съ которыми связала ее жизнь. Одно дополняется другимъ само собою, и чѣмъ меньше будемъ мы вмѣшиваться въ дѣло, тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе будетъ происходить сближеніе ищущихъ другъ друга элементовъ. Постороннія вмѣшательства будутъ только ослаблять ходъ этого дѣла, уменьшать эту силу взаимнаго притяженія, разстраивать работу и вредить ея успѣху. Намъ остается только помогать этому процессу всѣми зависящими отъ насъ способами, — припоминать, соображать, повторять наблюденія, расширять кругъ данныхъ, питать и усиливать тѣ элементы, которые уже найдены нами, чтобъ они съ большею энергіей обнаруживали свое дѣйствіе, полнѣе и обширнѣе привлекали къ себѣ все имъ сродное. Въ этомъ-то и состоитъ вся тайна художественныхъ типовъ, — и художникъ только въ особенной степени обладаетъ условіями благоприятствующими этому процессу, и сила этихъ условій растетъ и развивается отъ упражненія, какъ и при всякой другой дѣятельности. Вѣрность, глубина и выразительность

типовъ зависать отъ этой силы и ея развитія. Истинные художники, при этомъ, обладаютъ даромъ фантазіи, даромъ индивидуальнаго созерцанія, такъ что типъ является у нихъ не просто общею схемою, но живымъ лицомъ, которое само отъ себя дѣйствуетъ и само за себя отвѣчаетъ, и въ которомъ не все только типъ, но есть и нѣчто совершенно индивидуальное.

Нельзя однако представлять себѣ это дѣло такимъ образомъ, чтобъ оно могло быть изолировано отъ всякихъ болѣе или менѣе случайныхъ вліяній или постороннихъ соображеній. Истина созерцанія нисколько не страдаетъ отъ той свободы, съ которою художникъ выбираетъ свои точки зрѣнія, руководствуясь общими соображеніями, отъ того тона, который онъ рѣшается дать своему произведенію, и наконецъ отъ того мотива, который побуждаетъ его соединить типъ съ такимъ или другимъ индивидуальнымъ характеромъ, поставить его въ такія или другія обстоятельства.

Въ *Отцахъ и Дѣтахъ* замѣтно желаніе автора дать главному типу возможно-благопріятнѣйшія условія. Авторъ, видимо, какъ будто опасался показаться лицепріятнымъ. Онъ какъ будто слишкомъ усиливался быть безпристрастнымъ, и эти усилія не остались безъ нѣкоторыхъ послѣдствій. Намъ кажется, что еслибъ этихъ усилій не было, то его произведеніе еще болѣе выиграло бы въ своей объективности, между тѣмъ какъ принципъ невмѣшательства былъ бы соблюденъ еще полнѣе. Впрочемъ слѣды этихъ усилій незначительны; они только показываютъ направленіе мысли автора, который не только не заслуживаетъ упрека въ несправедливости къ герою, но, напротивъ, скорѣе можетъ подвергнуться легкому упреку за излишнюю мнительность, за излишнія усилія быть безпристрастнымъ, потому что излишество во всемъ, даже въ хорошемъ, бываетъ болѣе вредно чѣмъ полезно. Но эта излишняя мнительность лишь кое-гдѣ проглядываетъ, и тотчасъ же исчезаетъ, не производя большаго вреда. Авторъ руководствовался другимъ, болѣе существеннымъ соображеніемъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ избранный имъ типъ явился на свѣтъ въ своихъ лучшихъ одеждахъ, чтобы къ производимому имъ впечатлѣнію не примѣшивалось ничего невыгоднаго отъ какихъ-нибудь постороннихъ случайностей. Онъ хотѣлъ создать своего

героя изъ самыхъ лучшихъ матеріаловъ, какіе только могли подойти къ этому типу. Герой этотъ поставленъ такъ, что личность его производить самое выгодное для него впечатлѣніе. Эта личность не бросается прямо въ глаза какою-нибудь слабою стороной; на видъ обращено только все выгодно-дѣйствующее. Мы видимъ передъ собою человѣка способнаго и крѣпкаго, котораго нельзя упрекнуть ни въ какой пошлости. Даже то, что могло бы быть вѣрено ему въ недостатокъ или въ вину, внушаетъ нѣкоторый респектъ. Ни въ какомъ положеніи не кажется онъ смѣшнымъ или жалкимъ; изъ всего выходитъ онъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Его мужество—à toute épreuve, мужество не поддѣльное, но совершенно естественное. Онъ сохраняетъ полнѣйшее спокойствіе подъ пулею, и авторъ, не довольствуясь впечатлѣніемъ наружнаго вида, заставляетъ насъ заглянуть въ его душу, и мы видимъ дѣйствительно, что смерть, пронесшаяся надъ его головою, произвела на него не большее впечатлѣніе чѣмъ прожужжавшая муха. Онъ постоянно удерживаетъ власть надъ собою; его душевныя настроенія, намѣренія и мысли не запутываются въ рефлексіяхъ, не задерживаются, не расплываются, а переходятъ кратчайшимъ путемъ къ дѣлу. Слово его всегда толково и сжато; онъ высказываетъ только то что хочетъ сказать, и хочетъ сказать только то что ему пригодно. Короче сказать, нравится ли онъ кому или не нравится, хорошъ или дуренъ тотъ духъ который въ немъ выражается, онъ поставленъ авторомъ такъ, что производить впечатлѣніе сильной натуры. Авторъ вездѣ даетъ ему центральное мѣсто; вездѣ является онъ главнымъ пунктомъ, а все прочее только группируется около него и выдаетъ только рѣче и явственнѣе его фигуру. Все располагается такъ, чтобъ онъ производилъ впечатлѣніе силы. Изъ лицъ, близко подходящихъ къ нему, только одно какъ-будто стираетъ его, одно, передъ которымъ онъ пасуетъ: это — Одинцова. Другая женская фигура, также самостоятельная, которая могла бы умѣрять производимое имъ впечатлѣніе, молодая дѣвушка, племянница Одинцовой, поставлена вдалекѣ, и ни разу не приходитъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Мы уже говорили о его молодомъ спутникѣ и поклонникѣ, — натурѣ доброй и мягкой, какъ и его отецъ. А отецъ его— существо не дозрѣвшее, не испытанное жизнью, безхарак-

терное, неспособное къ опредѣленной дѣятельности, конфузное, хотя доброе, кроткое, съ неувядаемою поэзіей въ душѣ. Оба они съ братомъ люди умные и хорошіе, и были бы людьми дѣльными, еслибы жили въ другой средѣ, при условіяхъ болѣе благоприятныхъ для образованія характера. Родись Павелъ Петровичъ англійскимъ сквайромъ, онъ былъ бы можетъ-быть славнымъ мировымъ судьей и надежнымъ органомъ политической партіи; точно такъ же какъ при другомъ, болѣе серіозномъ образованіи, чуткая и податливая природа Николая Петровича не осталась бы при однихъ неопредѣленныхъ мечтаніяхъ и настроеніяхъ, и тихая поэзія его души питалась бы болѣе жизненными соками и находила бы пути выразиться какъ-нибудь плодотвораѣе въ жизни. Бѣдный, добрый Николай Петровичъ совсѣмъ уничтожастся не только передъ Базаровымъ, но даже передъ своимъ молодецкимъ сыномъ. Братъ его—человѣкъ съ характеромъ; этотъ не пасуетъ, въ немъ чувствуются силы, — но силы погибшія, которыя завали отъ бездѣйствія, отъ мелочнаго употребленія въ бесплодно прожитой жизни. Онъ раздражителенъ и нервенъ; но настоящей силы въ немъ мало. Вы отдаете ему справедливость, вы признаете его настоящимъ джентльменомъ, вы уважаете его благородство; но вы чувствуете, что онъ герой въ Мамбриновомъ шлемѣ, и авторъ безъ пощады выставляетъ на видъ его смѣшныя стороны. Это человѣкъ проигравшій свое прошедшее, безъ настоящаго, безъ будущаго, призракъ между живыми, бесплодно гальванизируемый впечатлѣніями, которыя раздражаютъ, кипятятъ его, но не могутъ воскресить погибшей жизни. Въ столкновеніяхъ съ нимъ фигура Базарова еще рѣзче отъбывается; въ сравненіи съ нимъ только болѣе чувствуется впечатлѣніе силы производимой этою фигурой. О прочихъ лицахъ говорить нечего! Любовь къ Базарову старика отца его, особенно матери, доходящая до благоговѣнія, до самозабвенія, довершаетъ это впечатлѣніе силы, которое сопутствуетъ Базарову. Итакъ онъ рѣшительно господствуетъ надъ всею сценой. Ему данъ полный просторъ, и все служить ему мягкимъ матеріаломъ, чтобы выразиться и заявить свою силу.

А въ чемъ же состоитъ его сила? Есть ли это дѣйствительная сила, или только оптической обманъ, результатъ

сравненія съ окружающею мягкостію и безсиленіемъ? Этотъ вопросъ идетъ довольно глубоко; онъ касается тѣхъ элементовъ, которые всеми безотчетно и невольно чувствуются въ общемъ впечатлѣніи. Этотъ вопросъ идетъ каюча къ той тайной антипатіи, которую возбуждаетъ Базаровъ, къ тому горькому и язвительному чувству, которое поневола должны испытывать люди носящіе его духъ въ своемъ сердцѣ.

Характеръ Базарова заслуживаетъ подробнаго анализа, и мы возвратимся къ нему.

(До слѣд. №.)

ПОПРАВКА.

Въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ повѣи г-а А. К. Толстаго, *Донъ Жуанъ*, на 691 стр., въ первомъ хорѣ братіи замѣчены опечатки, искажающія смыслъ, а потому вся строфа перепечатывается здѣсь вполнѣ:

Съ вашей жизнью вѣчно смежная,
 Вѣчно ищущая насъ,
 Смерть приходитъ, неизбежная,
 Въ каждый день и въ каждый часъ.
 Благо, благо не дремавшему,
 Мирно гостью ожидавшему,
 Неусыпно посылавшему
 Къ небесамъ молящій гласъ!